

Цзи Юньшу и впрямь была немного голодна. Позавтракать нормально ей так и не удалось, и она продержалась до самого этого часа. Хотя по дороге она и выпила бутылку молока, к текущему моменту от него уже почти ничего не осталось. Цзи Юньшу намеренно выбрала именно это место, но перед тем как забронировать столик, она изучила меню этого ресторана домашней кухни — почти все сегодняшние блюда были её самыми любимыми. Под столом Цзи Юньшу незаметно потерла живот и бросила рассеянный взгляд на вход. Как раз в этот момент официант подал блюда. Аромат еды разлился в воздухе, и Цзи Юньшу, кажется, даже взглядом посветлела.

Сидевшая напротив Цзян Чжило заметила эту сцену и невольно улыбнулась уголками губ.
Сестрица такая милая.

Желая немного сбить спесь с Цзян Чжило, Цзи Юньшу, как только все блюда оказались на столе, протянула руку и положила в тарелку Цзян Чжило щепотку зелени.

— Попробуй это.

Цзян Чжило выглядела польщенной, в её глазах сияла нескрываемая улыбка. Она уже собиралась заговорить, как Цзи Юньшу добавила:

— Чжоу Хэ очень любит эту жареную зеленую горчицу.

Улыбка на лице Цзян Чжило мгновенно померкла. Глядя на зеленеющие в тарелке стебли, она подумала, что её собственный цвет лица сейчас наверняка такой же зелёный.

Цзи Юньшу наблюдала за переменами в её выражении лица и чуть было не рассмеялась в голос. По правде говоря, она понятия не имела, что любит Чжоу Хэ — в конце концов, они и трапезничали-то вместе всего пару раз, да и сама она никогда не обращала на Чжоу Хэ внимания. Кого волнует, что любит эта отвратительная альфа?

Цзян Чжило несколько раз глубоко вздохнула, прежде чем взять палочки и отправить злосчастный кусок зелени в рот. Она не то чтобы не любила овощи, но впервые в жизни обнаружила, что вкус у них настолько горький: стоило пище оказаться во рту, как язык онемел.

Цзи Юньшу с наслаждением уплетала любимые блюда. Ребрышки здесь готовили поистине великолепно — в следующий раз можно будет прийти сюда вместе с Мэн Чуюй.

Подняв голову, Цзян Чжило увидела, что Цзи Юньшу молча уткнулась в тарелку, и снова не удержалась от улыбки. *Ладно, раз сестрица довольна, и хорошо.*

Раз уж Цзи Юньшу только что положила ей еды, Цзян Чжило решила ответить взаимностью и общей палочкой переложила ей на тарелку ребрышко. Она заметила, что Цзи Юньшу тянулась к этому блюду несколько раз, значит, оно должно ей нравиться.

Заметив, что в её тарелке неожиданно прибавилось ребрышко, Цзи Юньшу подняла глаза на Цзян Чжило, молча опустила палочки, а затем достала салфетку, вытерла рот и всем своим видом показала, что продолжать трапезу вовсе не намерена.

Цзян Чжило опешила:

— Ты больше не ешь?

Цзи Юньшу усмехнулась:

— Не стоит наедаться досыта.

Но ты ведь почти ничего не съела.

Вопрос застрял у Цзян Чжило на выдохе, когда до неё внезапно дошло: Цзи Юньшу не то чтобы не хотела есть вообще — она не хотела есть то, что положила она, Цзян Чжило.

Сестрица и вправду питает к ней глубочайшую ненависть.

Уголки глаз и брови Цзян Чжило поникли. Она молчала, но от неё исходила волна глубокого уныния.

Цзи Юньшу была в некотором замешательстве от такой реакции. Она же специально пыталась задеть Цзян Чжило — разве та не должна была почувствовать себя оскорбленной? Почему же сейчас Цзян Чжило казалась ей щенком, которому отказал в ласке хозяин, так что даже его яростно вилявший хвост безвольно повис?

Цзи Юньшу покачала головой, чувствуя, что сошла с ума. С какой стати она вообще сравнила Цзян Чжило со щенком?

Убедившись, что Цзи Юньшу действительно больше не собирается притрагиваться к еде, Цзян Чжило с унылым видом тоже отложила палочки. Она обернулась к стоявшему позади мужчине:

— Выйди пока.

Тот не произнес ни слова, развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Цзи Юньшу молча наблюдала за ней. Цзян Чжило закусила губу и бросила быстрый взгляд на Се Янцина.

— Госпожа Цзи, не могли бы вы попросить вашего секретаря тоже выйти?

Цзи Юньшу откинулась на спинку стула и с улыбкой посмотрела на неё:

— Он ничего не станет болтать.

Услышав это, Се Янцин просто стоял рядом с Цзи Юньшу, опустив голову и притворяясь, что ничего не слышит и не видит.

На щеках Цзян Чжило проступил легкий румянец, а взгляд её глаз источал неожиданную застенчивость:

— Я хотела поговорить с тобой о том вечере.

Лицо Цзи Юньшу изменилось. Се Янцин, глядя в пол, отчетливо заметил, как легкое покачивание ног его начальницы прекратилось — её тело будто окаменело.

Тот вечер — это какое именно вечернее происшествие?

Прежде чем Се Янцин успел обдумать это, он услышал голос Цзи Юньшу:

— Ян-Цин, выйди на минуту.

Похоже, дальнейшая беседа не предназначалась для его ушей. Се Янцин окончательно убедился, что произошло что-то, о чем он понятия не имеет.

Он вышел вслед за тем мужчиной. Когда он отворил дверь, телохранитель как раз дежурил в коридоре; услышав скрип, он даже не удивился и головы не повернул.

Как только дверь снова закрылась, Цзи Юньшу сменила позу: кончики её туфель качнулись в воздухе, а руки легли на колени одна поверх другой.

— Что ты хотела сказать?

Цзян Чжило ничего не ответила, лишь внезапно поднялась с места и направилась к Цзи Юньшу.

Спина Цзи Юньшу мгновенно напряглась — у неё даже промелькнул дикий импульс сорваться с места и сбежать. Мысленно сделав глубокий вдох, она принялась себя успокаивать: *Не бойся, теперь ты наполовину альфа, а она — омега, ничего она тебе не сделает*.

К счастью, Цзян Чжило и не собиралась предпринимать ничего противозаконного. Она присела рядом с Цзи Юньшу на диван, и стоило им оказаться близко друг к другу, как Цзи

Юньшу уловила от неё легкий, едва заметный аромат чая.

Это походило вовсе не на феромоны, а скорее на парфюм. С чего бы кому-то пользоваться духами, чей запах имитирует собственные феромоны? В конце концов, в представлении большинства феромоны — вещь сугубо интимная. Если кто-то заявит другому: Я хочу понюхать твои феромоны, это сочтут за откровенное домогательство.

Сама Цзи Юньшу никогда не прикасалась ни к чему со вкусом или запахом персика. Впрочем, в последнее время её собственные феромоны, кажется, претерпели некие изменения: чистый приторно-сладкий персиковый дух сменился ароматом фруктового вина. Сквозь эту медовую сладость персика теперь пробивались тонкие водочные нотки, от которых при долгом вдыхании даже немного кружилась голова.

Цзи Юньшу не удержалась и перевела взгляд на лицо Цзян Чжило. В тот вечер ей не довелось разглядеть её как следует, и только сейчас она заметила, до чего же у Цзян Чжило светлая кожа — на лице не было заметно ни единой поры, а гладкостью оно напоминало фарфор.

Цзян Чжило была слегка накрашена, её брови аккуратно подведены — эти два мягких изгиба, словно ивовые листья, безусловно лежали на безупречном, подобном нефриту лице, являя собой образец умеренности и гармонии. Губы её отливали естественной розоватостью — это был не след помады или румян, а их собственный, природный оттенок.

<http://bllate.org/book/21925/2277898>